

Литературные заметки

въ нашей литературѣ. По мнѣнію г. Скабичевскаго, талантъ г. Потапенко не поддается сомнѣнію, но развиться онъ не можетъ, потому что не понимаетъ самаго себя. Оптимистическое міросозерцаніе и добродушный юморъ—вотъ въ чемъ сила г. Потапенко; поэтому критикъ со- вѣтуетъ ему сосредоточиться, главнымъ образомъ, на разработкѣ своего юмора.

Въ январьской книжкѣ «Наблюдателя» обра- щаетъ на себя вниманіе романъ Яснискаго— «Ординарный профессоръ». Безъ уголовщины, впрочемъ, не обошлось и здѣсь. Съ первыхъ-же страницъ мы имѣемъ дѣло съ какими-то зага- дочнымъ убійствомъ; любопытная и харак- терная черта этого убійства заключается въ томъ, что оно совершено въ университетской средѣ. Хотя по первымъ главамъ судить о со- держаніи этого будущаго романа довольно труд- но, во по всему видно, что профессорской средѣ здѣсь не слобровать, особенно чистой она изъ романа Яснискаго не выйдетъ, а если при- нять во вниманіе реалистическій способъ пись- ма г. Яснискаго, т. е. попросту, списываніе его своихъ дѣйствующихъ лицъ съ живыхъ лю- дей, то понятно, почему отъ всего этого рома- на съ первыхъ-же его страницъ вѣетъ на васъ какими-то писквиленъ или, по крайней мѣрѣ, грязной реабилитацией дѣйствительности, кото- рой было-бы лучше совсѣмъ не показываться на свѣтъ Божій. Чего стоитъ ужъ одинъ порт- ретъ Алексѣя Васильевича Уржумова!.. «Ему шелъ 46-й годъ; онъ былъ худъ, волосы и бо-

рода у него были песочные, глаза безцвѣтные, губы блѣдныя». «Онъ производилъ впечатлѣніе чело- вѣка, котораго выдержали въ тюрьмѣ, въ одиночномъ заключеніи, такъ что онъ утратилъ свой первоначальный обликъ и цвѣтъ». Жена этого профессора сходится послѣдовательно то съ доцентомъ философіи, то съ артиллерійскимъ офицеромъ, то, наконецъ, съ «юнымъ студен- томъ», по очередно имѣетъ отъ нихъ отъ всѣхъ дѣтей, похожихъ на своихъ отцовъ, что под- черкивается на каждомъ шагу... Но довольно и этого, чтобы читатель могъ составить себѣ нѣ- которое представленіе объ этомъ романѣ г-на Яснискаго. Что лица романа взяты изъ жизни, это подтверждается самимъ авторомъ. Въ са- момъ началѣ романа авторъ предпослалъ ему прамѣчаніе, изъ котораго видно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ напечаталъ въ кievской «Зарѣ» этюдъ подъ названіемъ «Открытіе». Въ этюдѣ были нарисованы основныя черты харак- теровъ: погруженнаго въ научное одиночество и страдающаго собачьей старостью, профес. Уржу- мова, магистранта и дѣвушки Катя, считающей- ся дочерью профессора, любящей его и стремя- щейся на сцену; жены профессора, заботливо опекающей мужа и нисколько его не любящей. Пока авторъ занятъ былъ разработкою этого ма- териала въ романѣ, черезъ три года послѣ на- печатанія «Открытія», появилась повѣсть белле- триста, «обладающаго несомнѣннымъ талантомъ», сюжетъ которой былъ тотъ-же самый, что и въ «Открытіи». «Конечно,—продолжаетъ г. Ясни-

---

скій,—это ничто иное, какъ совпаденіе, и молодой беллетристъ самостоятельно воспользовался матеріаломъ, *который сослужилъ службу и мнѣ*.

Эту повѣсть читатель навѣрное помнитъ. Для чего только напомнилъ о ней лишній разъ г. Ясинскій? Вѣдь при сравненіи его романа съ повѣстью Чехова—«Скучная исторія»—первый, конечно, много потеряетъ во всемъ. Г. Чеховъ дѣйствительно взялъ лишь канву, на которой создалъ очень прочувствованный психологическій этюдъ; у него профессоръ не страдалъ собачьей старостью, а жилъ, жилъ еще полною жизнью и въ этомъ, конечно, только и былъ интересъ къ его личности. Все чисто личное, взятое изъ случая, изъ жизни, г. Чеховъ отбросилъ. Въ романѣ г. Ясинскаго всего этого нѣтъ, да вѣрно не будетъ и дальше — таковы вѣдь требованія протоколизма, ярымъ поклонникомъ котораго является г. Ясинскій.

С. С—о.
